

28 декабря в 9 часов утра пришедшие в четвертый павильон «Мосфильма» люди обнаружили человека, висящего на одном из выключенных осветительных приборов.

Он был одет в белую рубашку с жабо и огромными пуговицами, широкие белые панталоны и белые туфли. На голове — плотно облегающая черная шапочка, лицо размалевано белым и черным гримом. Шею обвивала веревка, конец которой был привязан к горизонтальному выступу высокого штатива.

— Ой, что это? — воскликнула артистка Барабанова.

— Вчера здесь этого не было, — заметил артист Дмитриев.

— Это Пьеро, — глубокомысленно произнес оператор Дятлов.

— А ведь и верно! — наперебой заговорили все. — Пьеро! Кто же это нарядился в Пьеро?

— Так это ж Петька Топорков! — опознал фигуру артист Парфенов.

— Кто-кто? Топорков? Какой Топорков? — выражали дружное недоумение окружающие.

— Актер, — сказал Парфенов. — Мы с ним снимались в детском фильме про Буратино. Я играл столяра Джузеппе, а он — этого самого Пьеро.

Все еще ближе обступили висевшего, хотя имя Топоркова никому ничего не говорило.

— Товарищи! Товарищи! — громогласно обратился ко всем Дмитриев. — Боюсь, наш коллега Топорков покончил с собой. Если только это не розыгрыш. Но на розыгрыш не похоже. А значит — надо звать на помощь. Куда там звонят в таких случаях — в милицию или «Скорую»?

— В 01, — пошутил кто-то из массовки.

— Товарищи, это не повод для шуток, — укоризненно произнес Дмитриев. — Произошло несчастье. Это страшно на самом деле. Неужели вы не понимаете, что это страшно?

Никто не отвечал, хотя почти каждый мог сказать, что карнавальный костюм Пьеро не слишком вяжется с несчастьем, и потому присутствующим пока еще трудно в полной мере осознать, что именно произошло.

Однако кто-то все-таки побежал к телефону и вызвал милицию и «Скорую».

Режиссер Цветков ходил мрачный, хмурился и ни с кем не разговаривал: он и так выбивался из графика, а тут еще этот проклятый самоубийца... Ох уж эти артисты — из всего готовы сделать представление, даже из собственной смерти. Ну, это же абсолютная безвкусица — умереть в костюме Пьеро! Неужели никто вокруг этого не понимает?..

Милиционеры и врачи приехали одновременно. Врач сразу констатировал смерть, а милиционер — майор Жаверов — стал опрашивать свидетелей. По-

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДУБЛЬ

скольку единственным человеком, опознавшим повесившегося, был Парфенов, с особым пристрастием майор расспрашивал именно его.

— Нет, точно, Петька, — кивал Парфенов. — Я его и в гриме узнаю. В гриме мне даже легче — я его в этом образе чаще всего видел.

— А без грима вы его видели? — спросил Жаверов.

— Приходилось.

— Значит, сможете узнать его?

— Смогу, — без сомнений отвечал Парфенов.

Жаверов попросил медсестру убрать с лица покойного грим, затем вместе с Парфеновым подошел к телу.

— Петька, — сразу же махнул рукой артист. — Сразу видно — Петька Топорков, никто другой.

Тело вновь окружили любопытные киношники. Все притихли и словно зачарованные около минуты смотрели на русоволосую голову и не лишенное приятных черт лицо молодого еще человека, выбравшего себе такую странную смерть.

Через час тело увезли. Но в рабочее состояние, к негодованию Цветкова, никто на площадке уже неспособен был войти до самого вечера.

2

Слухи распространялись быстро. Уже к вечеру о самоубийце знал весь «Мосфильм», и при этом почти каждый недоуменно восклицал:

— Топорков? Что это за актер такой — Топорков? Первый раз слышу...

Однако на следующий день киношники вернулись в привычное съемочное русло, всех вновь поглотила

творческая рутина, и о самоубийце уже почти никто не вспоминал. Если бы еще известный актер повесился, а то ведь какой-то непонятный Топорков...

Ну а уж в новогоднюю ночь о Топоркове не подумала и тем более ничего не сказала, кажется, ни одна живая душа. В Доме кино закатали традиционный бал, творческие работники веселились до упаду. И если о чем и говорили с огорчением, так только о том, что на Новый год, в отличие от Первомая, дается всего один выходной...

Но в первый же рабочий день нового года о Топоркове заговорили снова. Причиной тому послужили сразу два жутких случая.

Первый случай произошел рано утром в пресловутом четвертом павильоне. За полчаса до начала съемочного дня туда пришла артистка Рычагова, желая в одиночестве порепетировать свою сегодняшнюю сцену.

Рычагова зажгла лампу, чтобы не находиться в темноте, и стала громко декламировать текст своей роли.

Вдруг за ее спиной что-то зазвенело. Рычагова оглянулась — и завизжала. В нескольких метрах от нее стоял высокий человек в костюме Пьеро. Услышав визг, он проворно скрылся в декорациях, но этого Рычагова уже не успела увидеть, поскольку пулей выскочила из павильона.

К девяти часам стали подходить остальные члены съемочной группы. Белая как смерть Рычагова путано рассказывала им о том, что видела.

Режиссер Косарев (группа режиссера Цветкова к этому времени выехала на зимнюю натуру) выслушал рассказ актрисы, недоверчиво хмыкнул и первым вошел в роковой павильон. Все последовали за

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДУБЛЬ

ним и без лишних слов дружно принялись обшаривать каждый угол. Через несколько минут ни у кого не осталось сомнений: кроме самой группы в павильоне никого нет.

— Ну вот, видите, — дружелюбно сказал Косарев Рычаговой. — Вам померещилось. Вы женщина, актриса, впечатлительная натура... С вашим братом такое случается.

— У меня нет брата, — без юмора ответила Рычагова. И принялась по двадцать пятому разу пересказывать свое видение.

— Ну хватит! — уже раздраженно оборвал ее Косарев. — Давайте работать.

Однако от Рычаговой толку в этот день все равно не было, так что пришлось снимать сцены без ее участия.

Второй аналогичный случай произошел во время обеденного перерыва, причем совсем в другом павильоне — в третьем.

Художник по костюмам Рахлина зашла в еще пустующие декорации с горой платьев и стала их развешивать. Вскоре сюда должна была прийти съемочная группа, работающая во вторую смену, актерам надлежало сразу переодеться.

Увлеченная своим делом, Рахлина краем уха услышала неподалеку от себя какой-то шум, но не придала этому значения. Решив, что это какая-нибудь кошка, а может, и мышь, Рахлина продолжила развешивать костюмы.

Вдруг в одном из зеркал, которых в здешних декорациях было несколько, что-то привлекло внимание художницы. Ей показалось, что она увидела чью-то ногу в широкой белой штанине и белой туфле.

Обладатель ноги вроде бы прошел сзади художницы и спрятался за плотную занавеску.

Рахлина обернулась. Она была не такой пугливой, как артистка Рычагова, поэтому рискнула подойти к занавеске, за которой скрылась нога и ее владелец.

Отдернув занавеску, Рахлина вытаращила глаза, зажала рот рукой и рухнула на пол, не выпуская из рук груды платьев.

Какое-то время Рахлина сидела на полу и в ужасе смотрела на возвышающегося над ней человека в нелепом белом костюме и черно-белом гриме на лице. В конце концов художница потеряла сознание.

3

В третьем павильоне тоже не нашли никого постороннего. Многие, особенно женщины, были очень напуганы этими двумя случаями. Актрисы даже стали говорить, что теперь ни на минуту не останутся одни — ни в павильонах, ни в коридорах громоздкого «Мосфильма». Пошли разговоры о том, что вообще-то этот самый «Мосфильм» — весьма жуткое место, и странно, что раньше на это никто не обращал внимания...

Мужчины проявляли большой скепсис относительно всех этих страхов. То, что оба раза загадочную фигуру в белом наблюдали именно дамы, заставляло некоторых мужчин усмехаться и даже предрекать эпидемию подобных галлюцинаций.

— Вот увидите, — говорили такие скептики, — теперь это самое привидение каждый день кто-нибудь будет видеть...

Предсказание сбылось: пусть не ежедневно, но время от времени человека (или призрака) в костюме

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДУБЛЬ

Пьеро видели в том или ином павильоне, среди тех или иных декораций. Действительно, поначалу его замечали только женщины, но вскоре рассказы о явлении призрака стали исходить и из мужских уст. Один раз привидение увидел осветитель, а через несколько дней — местный монтер.

— Обратите внимание, — говорили на это скептики, — за женщинами потянулись не кто-нибудь, а именно представители гегемона. Класс, который выпить не дурак, по слову поэта... Так что вся эта чертовщина по-прежнему вилами на воде писана!

Но вскоре и скептикам не нашлось что возразить, поскольку впервые произошло групповое наблюдение призрака.

Несколько человек — актеры, актрисы, оператор, режиссер — пришли в первый павильон после обеденного перерыва. Стали устанавливать свет. Оператор включил камеру, режиссер сел в кресло...

Вдруг артист Иванов побледнел и показал пальцем за спины режиссера и оператора.

— С-смотрите...

Все обернулись — и замерли. Трудно было поверить своим глазам. Высокая фигура в набившем оскомину костюме Пьеро поспешно двигалась по направлению к двери. Через две секунды фигура исчезла.

Никто не знал, что и сказать, все только переглядывались с открытыми ртами.

— Тьфу ты! — наконец прервал молчание оператор Крайненков. Все взоры повернулись к нему. — Надо было хватать его! — с досадой воскликнул оператор. — Да я сам хорош! — махнул он рукой. — Не сразу сообразил... Теперь уже не догонишь...

Заинтригованная артистка Волошина приблизилась к Крайненкову:

— А вы думаете, его можно было схватить?

— Ну а почему нельзя? — хмыкнул оператор и снисходительно посмотрел на актрису. — Вы что, правда думаете, что это призрак?

— Я... не знаю, — пролепетала Волошина.

— А я знаю, — отрезал Крайненков. — Человек это был. Обычный человек в идиотском костюмчике.

Окружающие с интересом слушали эту дискуссию, и никто не вступал.

— Э-э, ладно, — спохватился наконец режиссер Бондарев. — Призрак это был или не призрак, а нам надо снимать кино.

Не сразу и с неохотой члены съемочной группы подчинились. Слова Крайненкова глубоко запали всем в душу, каждый втайне жалел, что им не удалось разоблачить призрака, хотя была хорошая возможность сделать это.

Впрочем, иные женщины, включая актрису Волошину, были скорее рады, что за призраком никто не погнался. А если бы такой погнавшийся, например, прошел сквозь этот призрак? Да после такого даже среди ста человек в этом павильоне невозможно было бы находиться...

А с другой стороны, женщинам было приятно, что тайна оказалась сохранена. По-прежнему неизвестно, призрак это или не призрак... Так что можно продолжать приходить на работу с замиранием сердца и каждый день ждать, что вот сегодня уж точно тайна будет раскрыта или хотя бы приоткрыта. Это очень интригует и бодрит — такое ожидание.

После происшествия в первом павильоне призрак как будто затаился. Несколько дней его никто не наблюдал, хотя многие смельчаки стали даже специально его подкарауливать, нарочно оставаясь в павильонах, когда все уходило на обед или домой. Но тщетно — теперь привидение проявляло осторожность.

Слава же о нем гудела уже по всему «Мосфильму» — с утра до вечера. Внезапно для всех стал желанным собеседником обычно хмурый и неприветливый артист Парфенов. Впрочем, почувствовав искренний интерес коллег к своей персоне, Парфенов расцвел и не уставал рассказывать каждому желающему все, что знал о Топоркове.

Этих сведений, однако, было совсем немного. Парфенов не знал, ни где учился Топорков, и вообще учился ли он на артиста, ни где и с кем жил, не знал про его друзей и возлюбленных, если таковые были.

Парфенов помнил только, что Топорков был permanently печальным, меланхоличным человеком, так что роли Пьеро он соответствовал на все сто. Каких-либо других ролей в кино он сыграть не успел. Парфенов разговаривал с Топорковым только один раз. Весь этот разговор был посвящен топорковским жалобам на отсутствие кинематографической работы и парфеновским, обычным в таких случаях, утешениям в духе: «Не дрейфь, Петя, ты еще молодой — свое наверстаешь».

Парфенов привел Топоркову в пример свою судьбу: сам он получил первую роль в кино, когда ему было уже за тридцать. Но и после этого его не снимали еще десять лет. Лишь ближе к пятидесяти Парфенова по-

настоящему заметили и оценили по достоинству — он стал нарасхват.

Краткая парфеновская автобиография, однако, нисколько не впечатлила Топоркова — тот отошел от старшего коллеги с поникшей головой и бессильно болтающимися руками.

Что касается самого фильма, в котором они вместе снимались, то это была крайне дешевая и халтурная постановка для телевидения под названием «Буратино». Ставил ее какой-то телевизионный бездарь, фамилии которого Парфенов даже не запомнил. Все известные актеры брезгливо отказались от участия в подобной мазне, так что роли в ней исполняли сплошь артисты второстепенные и посредственные, не считая, конечно, Парфенова. Последний, по его словам, согласился из сентиментальных чувств — в свое время актеру очень понравилась довоенная еще картина «Золотой ключик» по той же самой книжке писателя Толстого. В роли Дуремара там блистал всегда импонировавший Парфенову артист Мартинсон. Вот поэтому Парфенов и согласился на крохотную рольку столяра Джузеппе в заведомо дрянном телеспектакле «Буратино».

На этом набор сведений и воспоминаний Парфенова о Топоркове и их совместной работе, в принципе, исчерпывался. Выслушав все это от артиста, любопытный уходил с нескрываемым разочарованием. Почувствовав это, Парфенов со временем стал раскрашивать свои воспоминания новыми подробностями.

Так, Парфенов стал припоминать, что Топорков пару раз заговаривал при нем о самоубийстве, о том, что он хотел бы умереть в костюме Пьеро, и даже

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДУБЛЬ

о том, что желал бы навсегда остаться на «Мосфильме» в качестве призрака.

Эти факты были уже очень поразительны — каждый, кто их слышал, оставался не на шутку напуган и ошарашен (в душе, впрочем, не веря ни единому слову свидетеля). Парфенов был доволен производимым эффектом — жуткие воспоминания о Топоркове теперь стали его коронным закулисным номером.

Энтузиасты же всю пытались отыскать и иных свидетелей существования артиста Топоркова. Ибо нашлись скептики, которые отрицали уже и само его существование, провозглашали всю эту историю «мосфильмовской легендой», пущенной в обиход каким-то весельчаком, может быть, тем же Парфеновым. Такие скептики отказывались верить даже многочисленным свидетелям, обнаружившим труп Топоркова в конце прошлого года. В самом факте того, что самоубийство произошло под Новый год, недоверчивые люди видели признак мистификации и розыгрыша.

Временное исчезновение призрака как будто подтверждало их правоту, так что даже некоторыми из той самой съемочной группы, которая обнаружила тело Топоркова, овладели сомнения. Действительно ли это случилось? Не приснилось ли, не привиделось ли по пьяному делу? А если висевшая на штативе фигура и впрямь была, то не являлась ли она манекеном? В конце концов, дело произошло на «Мосфильме» — советской фабрике грез. Здесь ежедневно прикладывается миллион усилий, чтобы как можно убедительнее обмануть и заморочить зрителя. Так не является ли и вся эта история с призрачным Топорковым тщательным и убедительным розыгрышем, устроенным своими для своих?..